

**О ПРЖЕМОЦКОМ Х. Т. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
О ПРЖЕМОЦКОМ Х. Т. — в ПКК
О ПРЖЕМОЦКОМ Х. Т. — в СГОС
ПРЖЕМОЦКИЙ Х. Т. — в ПКК
О ПРЖЕМОЦКОМ Х. Т. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
О ПРЖЕМОЦКОМ Х. Т. — в ПКК**

ПРЖЕМОЦКИЙ Хризогон Терентьевич, родился в 1863 в Дриссе Витебской губ. В 1879 — поступил в духовную семинарию в Санкт-Петербурге, 4 мая 1886 — рукоположен. Окончил духовную семинарию со степенью магистра богословия. Викарий прихода в Минске, с 24 ноября 1888 — помощник инспектора духовной академии в Санкт-Петербурге, с августа 1889 — адъюнкт-профессор кафедры библейской археологии в академии и семинарии. С сентября 1890 — законоучитель в гимназии, реальном училище и кадетском корпусе, также инспектор и преподаватель семинарии. С сентября 1893 — викарий прихода Св. Екатерины и законоучитель в женских гимназиях, с декабря направлен служить в Новгородскую епархию. С октября 1896 — настоятель прихода в Черикове под Могилевом и декан Чериков-Чаусский, с декабря 1899 — настоятель прихода в Быхове и декан Рогачево-Быховского деканата. С 1904 — служил в храме Св. Варвары в Витебске, с 1906 — настоятель прихода в Несвиже и декан Слуцкий, с 1908 — прихода в Двинске, с 1910 — снова в Витебске, с 1914 — в приходе Омска, декан Сибирский. В июне 1921 — настоятель прихода в Смоленске, обслуживал также приходы в Брянске и Туле. 23 февраля 1922 — в Смоленске прошло изъятие ценностей в его храме, активно протестовал против акции. Выехал на служение в Рославль Смоленской области, обслуживая также приход в Орле. 29 июня 1927 — арестован «за систематическую антисоветскую агитацию» и заключен в Смоленскую тюрьму.

В ноябре 1929 — его родственница Анна Шейкус обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<5 ноября 1929>

«<...> С большой просьбой обращаюсь к Вам, гр<аждан>ка Уполномоченная Пешкова... Все, что мы имели, продали, и сколько моей силы было работала и содержала Его и тетюшку Его 80-летнюю, а теперь мое здоровье стало: ослабла, ноги и руки от ревматизма покрылись желваками, и ему трудно носить мне передачу и нечего носить, и Он стал так плох и ослаб, все время плачет. Я с ним два раза в месяц вижу. Ему никто, кроме меня, не помогает, а я теперь не в состоянии содержать их двоих и себя, уже очень плохо чувствую себя. Он просит какого-нибудь спасения, как только меня увидит, то плачет и просит, чтобы я поехала к Вам узнать о Нем, а я отказываюсь, что у меня нет ни копейки денег, чтоб я могла, то поехала к Вам и узнала о нем, то Ему легче бы было. В Рославле, где Он был, там маленький очень бедный приход, хотя бы и желали, но не могут Ему помочь, здешний Смоленский Ему не принадлежит и потому Ему не помогает. До того доходит, что мы все трое готовимся к голодной смерти.

Покорнейше просим в нашей просьбе не отказать и сколько возможно, помочь нам. Когда наступит минута обмена Ему, просим успокоить Его, и есть ли какая надежда? Он все спрашивает, а каждый раз я отвечаю: ничего не знаю. Глубоко уважающая Вас А. Шейкус»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 5. Автограф.

И вслед этому письмо Анна Шейкус сразу же отправила новое письмо Екатерине Павловне Пешковой.

<10 ноября 1929>

«<...> Простите, я была так расстроена, в тот день была у него и узнала, что последние вещи его украли, и теперь ничего у него нет из белья, ни летнего, ни зимнего. Шестой раз его обкрадывают. Я потом вспомнила, что не написала его имени, отчества и фамилии. Он и я покорнейше просим не отказать нам в нашей просьбе... Он очень большого роста... Был у него теплый шарф и теплые перчатки, и у него украли, и со спящего сорвали одеяло... Пишу Вам его имя, отчество и фамилию: Хризогон Терентьевич Пржемоцкий <...>»².

Прошло три месяца, в феврале 1930 — в Польский Красный Крест пришло отчаянное послание Анны Шейкус.

<20 февраля 1930>

«<...> Простите, что осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбою от имени Хризогона Терентьевича Пржемоцкого, хотя немного по возможности прислать ему денег на передачу, потому что я видела его 17-го февраля, и вот он жаловался, что сильно ослаб, делается головокружение, и он часто падает и сбил себе колени. Просит <при>носить что-нибудь питательного, а у меня не на что. Покорнейше прошу, не откажите мне в моей просьбе, так горько плачет, что на него нельзя смотреть: один ужас. Уже сидит 2 года и 7 месяцев и просит какого-нибудь спасения, уже исчерпаны все силы <...>»³.

26 февраля 1930 — Анна Шейкус в письме благодарила Екатерину Павловну Пешкову за присланные 10 рублей.

В марте 1930 — в Польский Красный Крест была передана копия "Заявления" членов Правления приходской общины.

<31 марта 1930>

«В Смоленский Губернский Областной Суд

от членов Правления
Рославльского Римско-Католического
Религиозного общества

Заявление

Р<имско>-Католический священник Пржемоцкий Хризогон Терентьевич, бывший настоятель нашего прихода, 29 июня 1927 года Смоленским Губ<ернским> Судом приговорен по ст<атье> 58 на 5 лет тюремного заключения и 3 года высылке в отдален<ные> губернии. Врачебная комиссия Д<ома> П<редварительного> З<аключения> дважды признала его, Пржемоцкого, не подлежащим пребыванию в доме заключения по состоянию его здоровья, и бывш<ий> Губ<ернский> Суд предлагал ему заключение заменить высылкой; но так как Пржемоцкий совершенно плохо себя чувствует, то считает неспособным ехать в дальние губернии.

В виду изложенного, и что Пржемоцкий до сего времени уже отбыл более половины срока, т<о> е<сть> 2 года 8 месяц<ев> присужденного наказания в Д<ома> П<редварительного> З<аключения>, а также,

² ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 7. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 10. Автограф.

принимая во внимание его старческие годы — 67 лет и полного разрушения здоровья, Община просит Губ<ернский> Обл<астной> Суд освободить Пржемоцкого из Дома заключения и выслать в г<ород> Рославль к нам, а мы обязуемся взять его на наше иждивение; если же Суд не признает уважительным дать ему полной свободы, то просим заменить хотя бы домашним арестом, каковой он отбыл бы у нас, под нашим поручительством в Рославле.

Члены правления <подписи>»⁴.

13 апреля 1930 — Екатерине Павловне Пешковой была отправлена телеграмма от Анны Шейкус.

<13 апреля 1930>

«ПРИЧАСТИТЬ ТЯЖЕЛО БОЛЬНОГО ПРЖЕМОЦКАГО СМОЛЕНСКОЕ ГПУ ОТКАЗЫВАЕТСЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ МОСКВЫ НЕ ПОЛУЧЕНО ХОДАТАЙСТВУЙТЕ СПЕШНОМ РАСПОРЯЖЕНИИ=ШЕЙКУС»⁵.

Хлопоты Екатерины Павловны Пешковой о последней просьбе умирающего ксендза увенчались успехом, через пять дней в Смоленск пришло сообщение.

<18 апреля 1930>

«В ответ на Ваше обращение, согласно полученной справке из ОГПУ, сообщаю, что дано распоряжение в Смоленское ГПУ о допущении к ксендзу Хриз<огону> Терен<тьевичу> ПРЖЕМОЦКОМУ ксендза для причастья»⁶.

20 апреля 1930 — в Польский Красный Крест пришло письмо от самого ксендза Хризогона Пржемоцкого.

<20 апреля 1930>

«<...> Я в Смоленской тюрьме пребываю два года и девять месяцев. Мое здоровье очень скверно. Я обращался к Начальнику Смоленской тюрьмы и к Прокурору, заведующему делами заключенных в Смоленске 16 сего апреля с просьбой, разрешить мне исповедоваться и причаститься, но мне в этом отказали, помимо циркуляра ВЦИКА от 8 апреля 1929 г<ода> о религиозных объединениях, и разъяснения НКВД в нем от 20 октября 1929 г<ода>, где ясно говорится о праве пользоваться исповедью и причастием <...>»⁷.

22 апреля 1930 — ксендз Хризогон был приговорен к 5 годам ИТЛ с поражением в правах на 3 года. Предполагалось отправить его в Соловецкий лагерь особого назначения, но резкое ухудшения его здоровья не позволяло отправить его на этап. Власти, очевидно, не понимали, что ксендзу Хризогону Пржемоцкому оставалось жить совсем немного, но родственница его, Анна Шейкус, понимала это со всей очевидностью и в начале мая 1930 — вновь обратилась за помощью в Польский Красный Крест.

<2 мая 1930>

«<...> Обращаюсь к Вам с моей просьбой в этом деле, чтобы

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 12. Машинопись.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 22. Машинопись.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 23. Машинопись.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 15. Автограф.

заступились за меня. Содействовали, дабы он мог получить возможность причаститься Св. Тайн. Прошу покорнейше до 10-го мая 1930 г<ода> прислать это разрешение. Он так страдает и чувствует себя плохо. 11-го мая приедет к нам ксендз. Вот уже месяц, как послала письмо, просила помочь деньгами на передачу и до сих пор ничего не получила, ни денег, ни письма. Не знаю, почему не помогли и не ответили.

Прошу покорнейше не отказать в моей просьбе, по возможности, помочь для Хризогона Терентьевича Пржемоцкого <...>⁸.

Через неделю Анна Шейкус вновь просила помощи Польского Красного Креста.

<10 мая 1930>

«<...> Получила деньги... Хризогон Терентьевич Пржемоцкий просил похлопотать насчет исповеди. Два года и 9 месяцев сидит и чувствует себя очень плохо, слаб и ни разу за это время не исповедовался. Здесь мы хлопотали, и я ходила к Начальнику, а Начальник послал меня к Прокурору, а Прокурор мне отказал. Сказал: "Он еще не умирающий..."»⁹.

Мытарства Анны Шейкус не кончались — обычная волокита, чиновничья лень и бездушие. Все это заставляло бедную женщину бегать от одного начальника к другому, умоляя дать разрешение на причащение умирающего. Видно, должностные лица внушали простым людям такой ужас своим всемогуществом, что в своем письме Анна пишет слово "начальник" с большой буквы. 20 мая 1930 — она описала Екатерине Павловне Пешковой свои "хождения по мукам".

<20 мая 1930>

«Получила я от Вас бумагу 9-го мая. Ксендз к нам приехал 11-го мая. Я в тот день с этой бумагой побежала в тюрьму спрашивать, есть ли сообщение насчет Хризогона Терентьевича Пржемоцкого о причастии. Они прочитали эту бумагу, как раз в то время не было Начальника. Помощник Начальника послал меня с этой бумагой в ГПУ. Когда пришла с этой бумагой, то они взяли эту бумагу и сказали: "Нет. Придите через 5 дней". Я сказала, что 5 дней не могу ждать. Больной очень слаб, а вторых, у нас ксендз приезжий, тогда сказали: "Приходите раньше". Я к ним пошла 15-го мая и ждала с 10 час<ов> утра до 4-х час<ов> дня, и все не отвечали, и просила, отдайте мне эту бумагу. Они сказали: "Она должна быть у нас". Они все искали и не нашли никакого сообщения и говорят: пока мы не получили личного сообщения из Москвы, так мы Вам не дадим разрешения на причащение.

Я была так расстроена и так сильно плакала, пришла к приезжему ксендзу и просила его помочь мне послать телеграмму. Не знаю, получили ли Вы ее 12-го мая. Ответ на нее я не имела. 5 дней в ГПУ держали эту бумагу и в конце концов отдали мне ее. Тогда я пошла в тюрьму и нашла Начальника тюрьмы, и Начальник, когда прочитал эту бумагу, сейчас написал двум Прокурорам. Когда один не разрешит, то обратиться к другому. Прокурор Антонов не подписал, тогда я пошла к Прокурору Мониному, который прочитал и сейчас, ни слова не говоря, подписал. Мучили целую неделю с пятницы 9-го мая до 16-го мая.

Хризогон Терентьевич Пржемоцкий причастился. Он так слаб, у него был третий сердечный припадок, теперь находится в тюремной больнице с 11-го мая. Хризогон Терентьевич Пржемоцкий сердечно благодарит за

⁸ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 17. Автограф.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 20. Автограф.

присланную бумагу и за разрешение, и я несчетное число раз благодарю, уже теперь он успокоился и готов умереть. Ждет свободы с нетерпением. С почтением А. Шейкус»¹⁰.

"Хороший" оказался начальник тюрьмы, да и прокурору Монину благодарна была несчастная женщина, — причастился все-таки ксендз Хризогон Пржемоцкий перед смертью, но какими усилиями! А ведь закон ему это гарантировал. Неудивительно, что он смерть называл свободой, но все-таки не оставлял и земных надежд. В июне 1930 — об этом писала Анна Шейкус Е. П. Пешковой.

<20 июня 1930>

«<...> Хризогон Терентьевич Пржемоцкий еще находится в больнице. Начинает немного поправляться... Ждет с нетерпением обмена и живет только надеждой <...>»¹¹.

Этой надеждой ксендз Хризогон Шейкус прожил два с лишним месяца. 10 сентября 1930 — в Польский Красный Крест пришла телеграмма.

«ПРЖЕМОЦКИЙ УМЕР СЕГОДНЯ ПОХОРОНЫ ЧЕТВЕРГ = ШЕЙКУС»¹².

Благодаря стараниям Марии Комаровской, католички восточного обряда, монахини из Абрикосовской общины, которая 10 сентября 1930 — добилась получения свидетельство о смерти, тело ксендза Хризогона Пржемоцкого было захоронено на католическом кладбище рядом с храмом. В последнем своем письме Анна Шейкус писала, что получила деньги на похороны, но фамилия отправителя была незнакомая. Потом выяснилось, что это была все-таки знакомая ксендза Хризогона Пржемоцкого, которая хотела помочь, но боялась сделать это открыто, ведь ксендз был осужденным. Далее Анна писала, что памятник и крест поставлены, но деньги за них еще не выплачены, и просила Екатерину Павловну Пешкову о последней помощи¹³.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 25. Автограф.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 28. Автограф.

¹² ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 2. Д. 3974. С. 30. Машинопись.

¹³ Книга Памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. М.: «Серебряные Нити», 2000. С. 136.